

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ

12'90

МУЗЫКА

ISSN 0132-1943

ГАДАНИЕ

Фёдор СОЛОГУБ

Какой ты будешь, Новый год!
Что нам несёшь ты! радость! горе!
Идёшь, и тьма в суровом взоре,
Но что за тьмою! пламень! лёд!

Кто разгадает предвещанья,
Что так невнятно шепчешь ты!
У тёмной роковой черты
В ответ на робкие гаданья!

Но как в грядущем ни темно
И как ни мглисты все дороги,
Мне на таинственном пороге
Одно предвестие дано:

Лишь только сердце бьётся верно,
А все земные бури — дым,
Всё будет так, как мы хотим,
Лишь стоит захотеть безмерно.

Рис. К. ОРЛОВА

© «Мурзилка», 1990 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С НОВЫМ! 1991 ГОДОМ!

Наверное, каждый хочет узнать, что его ожидает в будущем. Ну хотя бы каким будет следующий год? Ох, как интересно заглянуть вперёд — что там? Но кто же об этом наверняка скажет? Вот только и остаётся что гадать...

А под Новый год, говорят, самое время гадать о будущем. И каких только гаданий не существует на свете! Издавна гадали, предсказывали будущее и на картах, и на воске — лили его в воду и глядели, какие фигуры образуются, и на горохе, и на кофейной гуще, и на решете, и на колодезной воде... Есть специальные гадательные науки. Хиромантия — даже специальное по руке. Астрология — по звёздам. Даже под руку под-
вернётся, каким будет следующий год? Раз-
режь луковицу на двенадцать долек. Каждая долька —
один месяц, от января до декабря. Теперь посыпь
дольки солью и оставь на всю ночь. А утром погляди
внимательно, на какой дольке соль намокла, а на ка-
кой — нет. Так и определишь, какие месяцы нового го-
да будут снежными да дождливыми, какие — ясными,
сухими.

Интересно поглядеть, сбудется ли луковое предсказы-
вание, что там, впереди?
А Мурзилка-то, конечно, от всей души замечательный новый
год!
Пусть его предсказание сбудется.

В этом старинном немецком городе даже дождь казался праздничным. Был уже поздний вечер.

В каждой капле дождя отражались городские окна и вывески, уличные фонари и башни древних соборов.

Возможно, в этих каплях отражался и я, под зонтом поспешающий вслед за господином Михаэлем Энде. А уж господин Энде отражался. Это точно. Я сам видел в какой-то промелькнувшей кривой и волшебной капле его бороду и очки.

Толпа, мелькающая вокруг нас, капель не рассматривала, она топталась у витрин, отражая капли дождя синими вечерними зонтами.

Михаэль Энде зонт имел белый, с тяжёлой рукоятью. Почему-то он его не раскрывал. Он не защищал свою голову от осеннего дождя.

Наконечником зонта он бил по мокрым камням, высекая искры. Я тоже

сложил свой зонт и стал долбить им тротуар, но искры не высекались.

«Ну и слава богу,— думал я.— А то засыплем своими искрами весь этот старинный город».

От Михаэля Энде я немного отставал. Он шагал широко, торопясь по чрезвычайно важному делу.

Знаменитый европейский писатель, живущий в городе Мюнхене, господин Михаэль Энде вёл меня есть гуся.

Я не понял, что это было: ресторан, харчевня, таверна или просто трактир.

Под вишнёвыми абажурами, словно пропитанными красным вином, на скатерти цвета разломанного граната объявился гусь — коричневый и пупырчатый, пышущий жаром печи и тихо похрустывающий всеми своими корочками.

Такого гуся я прежде не едал и вряд ли когда-нибудь ещё увижу. И тут чита-

В

одном маленьком старом городе жила маленькая старая фройляйн по имени Офелия.

Когда она появилась на свет — было это, разумеется, очень давно, — её ро-

дители говорили:

— Наша девочка станет когда-нибудь великой актрисой!

Так они мечтали и поэтому дали ей имя знаменитой героини одной великой пьесы.

Маленькая Офелия в наследство от родителей получила только одно: любовь и восхищение перед Великими Словами Поэтов, а больше и ничего.

Стать знаменитой актрисой она не смогла. Слишком уж тихим был её голос. Но всё-таки ей хотелось хоть как-нибудь послужить искусству, пусть даже самым тихим делом.

В этом маленьком городе был старый чудесный театр.

И там, у краешка сцены, была будка, закрытая от зрителей большой и вроде бы морской раковиной. В этой будке-раковине и сидела Офелия каждый вечер и шёпотом подсказывала слова, чтобы артисты не запинаясь. И тихий голос Офелии был здесь очень кстати, ведь публика не должна была её слышать.

Всю свою жизнь Офелия прослужила в театре и была счастлива. Постепенно она выучила наизусть все великие комедии и трагедии мира, и ей уже не нужно было подглядывать в книгу.

И вот фройляйн Офелия состарилась. Да и времена теперь изменились. Всё меньше зрителей приходило в городской театр, потому что появлялось кино, а потом и другие развлечения.

У многих были теперь автомобили, и если кому так уж хотелось в театр — можно было быстро добраться до ближайшего большого города и посмотреть на куда более прославленных артистов, — да, в конце концов, и себя показать.

тели могут решить, что я только о гусях и думаю. Это, конечно, верно. Но в тот вечер совершилось событие и поважнее.

Михаэль Энде рассказал мне сказку. Сказка эта сильно отличалась от гуся. Она была скорее родственницей холодного осеннего дождя. Гуся я почти позабыл, а сказку до сих пор помню. Среди русских сказок мне такой никогда не встречалось. Пожалуй, она близка сказкам Андерсена, Гофмана, братьев Гримм.

Мне захотелось пересказать её для вас, чтобы вы знали, о чём думает писатель Михаэль Энде и что читают сейчас немецкие дети.

Вот и всё, что я должен был рассказать вам перед сказкой. Читайте её, а я буду вспоминать старинный город, праздничный дождь и доброго сказочника, с которым однажды гуся ел.

Юрий КОВАЛЬ

И вот настало время, когда театр в маленьком городе закрыли. Актёры поразъехались, а старую фройляйн Офелию уволили.

Когда кончилось последнее представление и в последний раз упал занавес, Офелия осталась в театре ещё ненадолго, совсем одна.

Она сидела в своей будке-раковине и вспоминала о прошедшей жизни. Вдруг она увидела тень.

Тень бродила по кулисам, то увеличиваясь, то уменьшаясь.

А вокруг-то никого не было, кто мог бы ту тень отбросить.

— Эй! — тихонько позвала Офелия. — Кто там?

Тень испугалась и съёжилась.

— Простите, — сказала тень, — я не знала, что здесь кто-то есть. Я не хотела вас пугать. Я тут прячусь, потому что не знаю, куда мне деться. Очень прошу, не прогоняйте меня.

— Ты — тень? — спросила Офелия. Тень кивнула.

— Но ведь тени всегда кому-то принадлежат.

— Не все, — сказала тень. — Есть на свете и лишние тени. Они никому не принадлежат, никому не нужны. Я как раз такая. Меня зовут Тень-Проказница.

— Вот оно что... Да, это очень печально — никому не принадлежать.

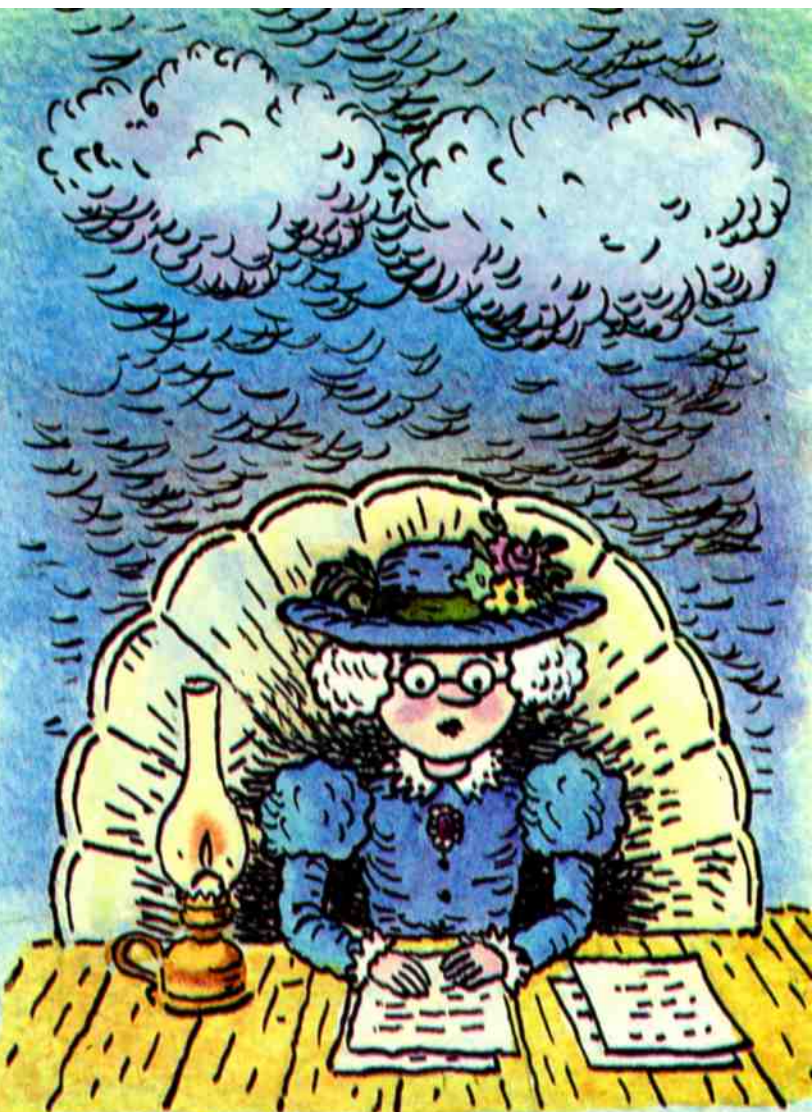
— Очень, — согласилась тень и вздохнула. — Да ведь что поделаешь?

— А ты иди ко мне, — сказала Офелия. — У меня тоже никого нет.

— С удовольствием. Но тогда мне надо быть всё время с вами! А у вас есть собственная тень.

— Да вы друг с другом поладите, — сказала старая фройляйн, и тут её собственная тень неожиданно кивнула.

Так у фройляйн Офелии появились две тени. Это не все замечали, а кто замечал — весьма удивлялся. Офелии, конечно, не хотелось, чтоб о ней слишком много говорили. Поэтому она просила одну из своих теней на день уменьшаться и прятаться в её сумочку. Для тени места там было достаточно.

Однажды старушка Офелия сидела в церкви и тихонько разговаривала с Богом. Она надеялась, что Бог услышит её тихий голос. Но так уж точно — она не знала.

Вдруг на белой стене она увидела новую тень, очень исхудалую. Тень ни на что не была похожа, но почему-то жалобно протягивала руки.

— Ты что, тоже ничья? — спросила Офелия.

— Ничья, — вздохнула тень. — Но ходят слухи, что кто-то берёт нас к себе. Не ты ли?

— У меня уже есть две тени.

— Прими и меня. Это ведь так печально — быть одинокой.

— Как же тебя зовут?

— Смутный страх.

— Ну что ж. Иди и ты ко мне, — сказала Офелия. — В сумочку.

Теперь у неё стало три тени.

С этих пор чуть не каждый день к ней

приходили всё новые и новые ничьи тени. Оказалось, что их не так уж и мало на белом свете.

Четвёртую тень звали — Одинокая.

Пятую — Большая Ночь.

Шестую — Никогда.

Седьмую тень звали — Тяжесть пустоты.

Теней становилось всё больше и больше.

Маленькая фройляйн Офелия была бедная, но теням, к счастью, не нужно ни еды, ни одежды, чтоб согреться. Только вот комнатка Офелии порою становилась очень уж тёмной и тесной, в ней ютилось слишком много теней. А ведь приходили всё новые.

Хуже всего было, когда тени ссорились.

Они спорили за лучшее место, а иногда просто-напросто даже дрались. Порой дело доходило до настоящих сражений.

В такие ночи маленькая старая фройляйн Офелия не могла заснуть. Она ле-

жала в постели с открытыми глазами и тихим голосом старалась успокоить своих друзей. Но это не очень-то помогало.

Офелия не любила ссор, кроме тех ссор и битв, которые на Великом Языке Поэтов звучали со сцены. И вот однажды ей пришла в голову интересная мысль.

— Послушайте, — сказала она теням. — Послушайте! Если вы хотите жить со мной, вам придётся кое-чему научиться.

Тени перестали ссориться и затаились. Они смотрели на старушку из всех углов маленькой комнатки.

И тут Офелия стала говорить. Она произносила Великие Слова Поэтов, которые знала наизусть.

Медленно и строго читала она и требовала, чтоб тени повторяли за ней. Тени старались изо всех сил и были довольно понятливы.

И постепенно со слов Офелии тени выучили все великие комедии и трагедии мира.

Теперь у них пошла совсем другая жизнь.

Тени научились принимать любой облик: карлика и великана, человека или птицы, дерева или коня.

По ночам они часто разыгрывали перед Офелией удивительные представления. А она шёпотом подсказывала им слова, чтобы они не запинаясь.

Днём же все тени, кроме, конечно, собственной, прятались в сумочку. Да, они умели, если хотели, невероятно уменьшаться.

Соседи никак не могли их увидеть, но замечали, что происходит что-то необычное. А люди этого не любят.

— Эта старая фройляйн какая-то странная, — говорили за спиной Офелии. — Надо бы отдать её в приют для стариков. Там о ней позаботятся.

— Похоже, она сумасшедшая, — говорили другие. — Мало ли что она может натворить!

Однажды к старушке пришёл хозяин дома, в котором у неё была комнатёнка, и сказал:

— Мне очень жаль, но теперь вам придётся за комнату платить вдвойне.

Этого Офелия не могла.

— Ну, тогда, — сказал хозяин, — вам лучше съехать. Впрочем, мне очень жаль.

И вот Офелия сложила в чемодан всё, что у неё было — совсем немного, — и ушла. Она купила билет, села на поезд и поехала по белу свету, сама не зная куда.

И заехала она очень далеко. Сошла с поезда и пошла пешком — куда глаза глядят. В одной руке она несла чемодан, в другой сумочку, где таились тени.

Это была длинная-длинная улица. Наконец старушка пришла к морю. Дальше идти было некуда. Она присела на берегу немножко отдохнуть и уснула.

Из сумочки вышли тени, окружили её

и стали думать, что же делать дальше.

— Собственно говоря, — зашептались тени, — это из-за нас госпожа Офелия попала в такое положение. Надо придумать, как ей помочь.

И они долго думали, а когда старушка проснулась, рассказали ей свою затею.

— Ах, вот как! — засмеялась Офелия. — Это вы неплохо придумали.

И вот Офелия пришла в одну деревушку.

На краю деревни она увидела перекладину, на которой выбивают половики. Достала из чемодана простыню и повесила её на эту перекладину.

Тени вышли из сумочки и стали разыгрывать на простыне спектакли, которые давно выучили.

Офелия сидела сзади и подсказывала артистам Великие Слова Поэтов, чтобы они не запинаясь.

Сбежались ребятишки.

Потом подошли и взрослые. И каждый заплатил какую-то мелочь за необычное представление.

С тех пор стала фройляйн Офелия ходить из деревни в деревню, из одного края в другой, а тени её превращались в королей и шутов, в благородных дам и огненных жеребцов, в волшебников и в цветы.

Подходили люди, смотрели — смеялись и плакали.

Скоро Офелия стала знаменитой, и куда бы она ни приходила, везде её ждали — такого театра ещё никто не видел!

Зрители хлопали в ладоши, и каждый что-то платил. Кто побольше, кто поменьше.

Через некоторое время Офелия даже накопила денег и купила маленький старый автомобиль.

Художник разукрасил его и по бокам написал крупными буквами:

ТЕАТР ТЕНЕЙ ОФЕЛИИ

И покати́л театр Офелии по белу свету.

13'90

МУРЗИЖКА

В ночь перед Рождеством
начинаются, как говорят,
бесовские потехи.

Ох, веселится
нечистая сила!
И до того дело
доходит,
что ведьмы
крадут с неба
месяц и
звёзды.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕ СТВОМ

Н. В. ГОГОЛЬ

Последний день перед рождеством прошёл. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звёзды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа*. Морозило сильнее, чем с утра, но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Ещё ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой, как бы вызывая принаряживавшихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошёл тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле.

Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель на тройке обыкновенных лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулупе, подбитом чёрными смушками, с дья-

вольски сплетенною плетью, которою имеет он обыкновение подгонять своего ямщика, то он бы, верно, заметил её, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнёт.

Он знает наперечёт, сколько у каждой бабы свинья мечет поросятков, и сколько в сундуке лежит полотна, и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке. Но сорочинский заседатель не проезжал, да и какое ему дело до чужих, у него своя волость. А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только чёрным пятнышком мелькала вверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звёзды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре ещё блестили. Вдруг, с противоположной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос вместо очков колёса с комиссаровой брички, и тогда бы не распознал, что это такое. Спереди совершенно немец*: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он

* Колядовать у нас называется петь под окнами накануне рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кидают в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остаётся дома колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за бога, что будто оттого и пошли колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане. Однако ж если сказать правду, то в колядках и слова нет про Коляду. Поют часто про рождество Христа и при конце желают здоровья хозяину, хозяйке, детям и всему дому. Замечание пасичника (Примечание Н. В. Гоголя).

* Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — всё немец (Примечание Н. В. Гоголя).

переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто чёрт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу.

Между тем чёрт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдернул её назад, как бы обжегшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдернул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый чёрт не оставил своих проказ. Подбежавши,

ВДРУГ СХВА
ТИЛ ОН ОБЕИ
МИ РУКАМИ
МЕСЯЦ... ПЕ
РЕКИДЫВАЯ,
ЕГО ИЗ ОДНОЙ
РУКИ В
ДРУГУЮ

вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки, наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чём не бывало, побежал далее.

Рис. А. МАКСИМОВА

ЧЁРТОВЫ КАЧЕЛИ

В тени косматой ели
Над шумною рекой
Качает чёрт качели
Мохнатою рукой.

Качает и смеётся,
Вперёд, назад,
Вперёд, назад.
Доска скрипит и гнётся,
О сук тяжёлый трётся
Натянутый канат.

Снуёт с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И чёрт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
Вперёд, назад.
Вперёд, назад.
Хватаюсь и мотаюсь
И отвести стараюсь
От чёрта томный взгляд.

Над верхом тёмной ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели,
Качайся, чёрт с тобой».

В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
«Попался на качели,
Качайся, чёрт с тобой».

Я знаю, чёрт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозный взмах руки,

Пока не перетрётся,
Крутясь, конопля,
Пока не подвернётся
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах.
Качай же, чёрт, качели
Всё выше, выше... ах!

Рис. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

КАМЫШИ

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.

О чём они шепчут! О чём говорят!
Зачем огоньки между ними горят!

Мелькают, мигают — и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.

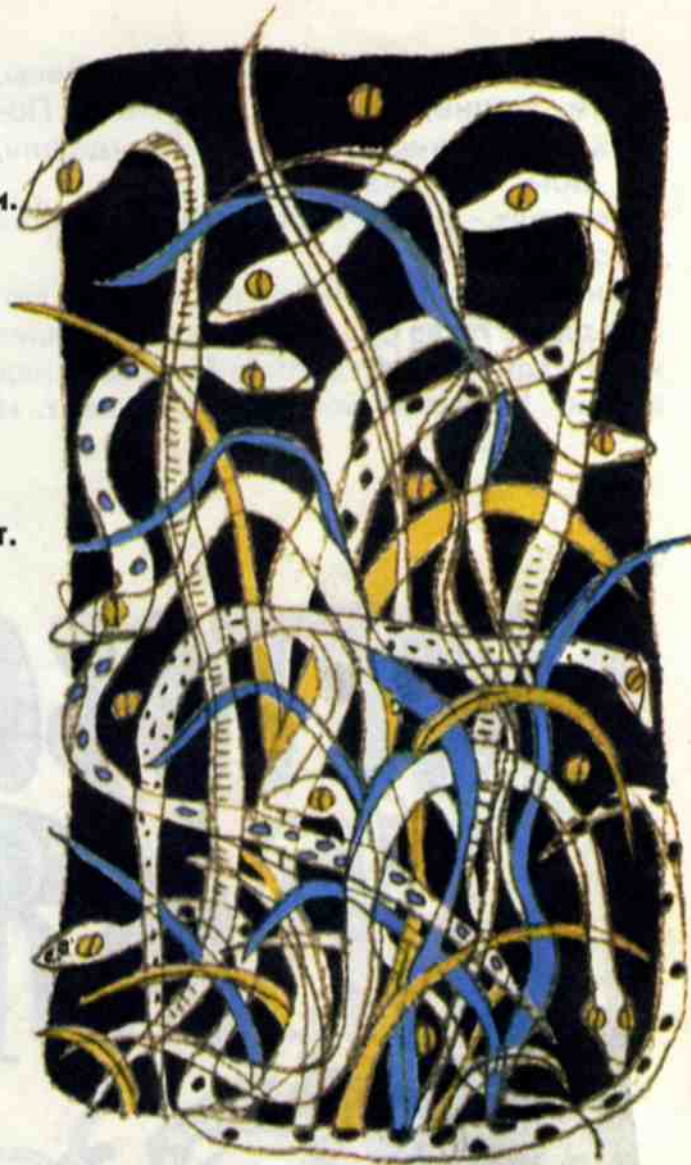
В болоте дрожит умирающий лик.
То месяц багровый печально поник.

И тиной запахло. И сырость ползёт.
Трясина заманит, сожмёт, засосёт.

«Кого! Для чего! — камыши говорят. —
Зачем огоньки между нами горят!»

Но месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет всё ниже свой лик.

И вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши.

ЧАРЫ ФЕИ

Я шёл в лесу. Лес тёмный был
Так странно зачарован.
И сам кого-то я любил,
И сам я был взволнован.

Кто так разнежил облака, —
Они совсем жемчужны!
И почему ручью река
Поёт: «Мы будем дружны»!

И почему так ландыш вдруг
Вздохнул, в траве бледнея!
И почему так нежен луг!
Ах, знаю! Это — Фея.

Что же это за существа такие — бесы, черти, лешие, домовые, водяные? Понятно, что нечистая сила. Но откуда она, эта сила, появилась?

Говорят, такая была давняя-давняя история...

Вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И

мешную, в преисподнюю, где тот стал правителем — Царём тьмы.

Но этим дело не кончилось. У бывшего ангела оказалось множество соратников, как говорится, сонмы. Их тоже пришлось отправлять с небес, разжаловать в чертей. Летели они до земли сорок дней и сорок ночей. Кто где упал, тот там хозяином и остался. В реке — водяной. В лесу — леший. На поле — полевик. У всех волосы косматые, ноги с копытами. Все хромают — и немудрено, когда с такой высоты шлёпнулись!

Точно неизвестно, чем занимались черти до появления человека. Но вот Бог создал на земле человека по своему образу и подобию. Ну и, конечно, чертям было противно видеть перед собой каждый день существо, напоминающее о Боге. Это пробуждало у них очень неприятные воспоминания. Нечистая сила, как могла, принялась вредить, строить козни — это стало её главным занятием. Так и прозвали на земле лукавых чертей — враги рода человеческого.

Говорят, за душу каждого человека спорят чёрт и ангел-хранитель. Если добрые дела перевешивают, то ангел прогоняет чёрта. А если перевешивают злые дела, ангел удаляется с плачем. Вот что получается — от человека зависит и самочувствие чёрта, и настроение ангела.

Много о чертях в народе поговорок.

Кто лукавит, того чёрт задавит.
Бог дал родню, а чёрт вражду.
Душой кривить — чёрту служить.
Не годится с чёртом водиться.

Надо сказать, что Мурзилка давно хотел поподробнее разузнать о нечистой силе, о чёртовом племени — какая у них жизнь, каковы повадки?

И вот как-то лет сто назад познакомился Мурзилка с господином Сергеем Васильевичем МАКСИМОВЫМ. О! Это был интереснейший человек! Ходил он по деревням, по дальним городишкам, забирался в самую лесную глушь —

ЧЕРТОВО ПЛЕМЯ

стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

В общем, конечно, немало сотворил Бог за день. И говорят, были с ним на небесах верные ангелы. Но одному, как часто случается, чего-то не понравилось — и он восстал. Тогда Бог низверг этого ангела в самую тьму кро-

слушал и записывал истории, поверья, обряды русского народа.

Впервые увидав Мурзилку, господин Максимов насторожился:

— Позвольте, сударь, кого-то вы мне напоминаете! Уж не приходится ли вам родней чёртова бабушка?!

— Бог с вами, Сергей Васильевич, — отвечал Мурзилка. — У меня предки из рода феи Фигли-Мигли. А с чертями-то я вовсе не знаком. Может, вы расскажете? Говорят, вы большой специалист по нечистой силе!

Дважды просить господина Максимова не пришлось. Он открыл пухлую тетрадь и, перекрестившись, начал рассказ:

— Насколько многочисленны эти людские ненавистники, можно судить по богатству разнообразных прозвищ этой нежити — лукавой и нечистой силы. Более пятидесяти имён насчитывается у чёрта! Бес, демон, сатана, дьявол, вельзевул, лихой, шайтан, рогатый, окаянка, супостат, шиш, ворог, кикимора, немытик, леший, водяной, домовый...

— Простите, а нельзя ли для первого раза послушать о домовом, — прервал Мурзилка, видя, что господин Максимов собирается перечислить все пятьдесят имён. — Домовой, как я понимаю, в доме живёт — ближе всего к человеку.

— Совершенно верно, — согласился Сергей Васильевич. — Каждое жильё непременно имеет домового! Неизвестно, отобрались ли сюда те нечистые духи, которые были подобнее прочих, или уж так случилось, что, приселившись поближе к людям, они обжились и пообмякли, но только эти духи не сделались злыми врагами, как водяные, лешие и прочие черти, а как бы переродились в доброхотов. И при этом даже оказались с привычками людей весёлого и шутивого нрава.

Многие вообще не признают домовых за чертей. Считают их особой доброй породой. Живёт-слывёт он обычно не под своим именем «домового», ко-

торое не всякий решается произносить вслух — из уважения или боясь оскорбить его таким прозвищем. Величают его «хозяином», а за древность лет жизни на Руси — «дедушкой». Часто кличут ещё «доброхотом», «кормильцем». Или уж совсем просто — «он», «сам».

— Сергей Васильевич, а какой Он-Сам из себя? — спросил Мурзилка. — Не доводилось ли вам встречаться?

Господин Максимов вздохнул с сожалением:

— Редкий может похвалиться тем, что воочию видел домового. Кое-кто уверен, что видеть его невозможно — это не в силах человека. Иные, правда, рассказывают, что примечали домового в виде вороха сена, мешка с мукой или в образе чёрной кошки, а то и седого старичка в длинной белой рубахе. Ведь домовый, как всякий нечистый дух, может превращаться, принимать на себя разнообразные личины. А охотнее всего будто бы — образ самого хо-

зяина дома. Ходят слухи, что домовый мохнат, оброс мягкой шерстью, которой покрыты даже ладони, имеет рога и хвост. Часто поглаживает спящих своей мягкой лапой — это, говорят, к добру. Вообще зла людям он старается не делать. Напротив — может предостеречь от грядущих несчастий и временной опасности.

Представляете, сударь, можно слышать его голос! Иногда мягкое и ласковое лепетание, иногда — тихий плач и глухие стоны. Или даже отрывистый краткий ответ, когда догадливые хозяева сумеют спросить его при подходящем случае. Впрочем, все, кто поумнее и поопасливее, не пытаются ни видеть этих духов, ни говорить с ними, а то как бы чего не вышло дурного! Говорят, можно даже опасно захворать.

— Значит, лучше сторониться домового? Я вот слышал, что добра от него не жди! Иной раз так буянит — спать не даёт, из дому выживает.

Господин Максимов развёл руками:

— Ну, сударь Мурзилка, нечистая сила — она и есть нечистая! Может и без умысла навредить. Нечаянно. Бывает, домовый стучит по ночам, громыхает посудой — так это просто от скуки, забавляется. Большой он проказник и шутник! Где обживётся, там беззаботно и беспричинно резвится, скачет, песни играет. Он и сонных щекочет от безделья, ради шутки. Подурит и пропадает с такой быстротой, что нет никакой возможности заметить, каков он видом.

Конечно, у каждого домового свой характер. Один добряк добряком. Другой сварливый да капризный. Но все они сильно привыкают к своему дому. Если хозяева вдруг переехали и дом опустел, домовый всё равно будет жить в нём, тоскуя в одиночестве, страдая, томясь и скучая, не в силах утешиться. Вот, помню, был случай — сгорела целая деревня! И так местные домовые затосковали, что ночи напролёт слышны были их плач и стоны. Чтобы хоть как-то их утешить, крестьяне сколотили на скорую руку временные шалашики,

негде в нынешних-то квартирах. Но не тут-то было! Домовые ко всему приспособились и проживают себе по соседству с человеком, как в былые времена.

У них даже новые клички и прозвища появились. Кто назвал своего домового Барабашкой, кто — Анчуткой, а кто попросту — Кузей.

Есть даже научное имя — Полтергейст. Что в переводе с немецкого означает — шумный дух.

А привычки у этого шумного домового остались прежние. Иногда разгуляется не в меру. Просто буянит. То шкаф опрокинет, то кастрюлей запустит, то лампочку вывернет! И главное — безо всяких видимых причин. То есть, наверное, есть причины, неизвестные пока человеку...

Но, как бы то ни было, лучше к домовому с добром отнестись. Как делали наши предки в старину. Не то чтобы уж совсем привечать, за стол, как говорится, сажать, но всё же по-человечески обходиться — без злобы и неприязни. Это, верно, всем приятно, всем по душе. Даже нечистой силе, чёртовому племени.

Например, Мурзилка именно так поступает. Надо вам сказать, ребята, что в редакции журнала тоже проживает некто тайный и загадочный, вроде домового. Расположился он в стенном шкафу, на средней полке, среди рукописей. Он всегда при деле — то ошибки исправляет в журнале, то цветы в горшках поливает. Звать его, скажем по секрету, Хохлик.

Но самое удивительное, что Хохлик обещал рассказать в будущем году о своей жизни и о своих дальних и ближних родственниках — леших, водяных, кикиморах. Надеемся, Хохлик в последний момент не передумает. Характер-то у него хороший. Уравновешенный. Хотя не без причуд. Ну, как у всякого обычного домового.

Рис. О. ЭСТИСА

Е. АНАТОВА

О ЧЁМ ПОЁТ БАБА ЯГА, КОГДА У НЕЁ ПЛОХОЕ НАСТРО- ЕНИЕ

Заросла тропа бурьяном,
В огороде лебеда.
Нет пути гостям незванным
Ни туда и ни сюда!

Во дворе чертополох,
В подполе козявки,
Кот Василий ловит блох
Целый день на лавке.

Плохо жить одной в глуши —
Спой, Василий, для души!

Тосчно жить в глуши старушке —
Ни подружки, ни кино...
Куры ножки от избушки
С Васькой съели мы давно.

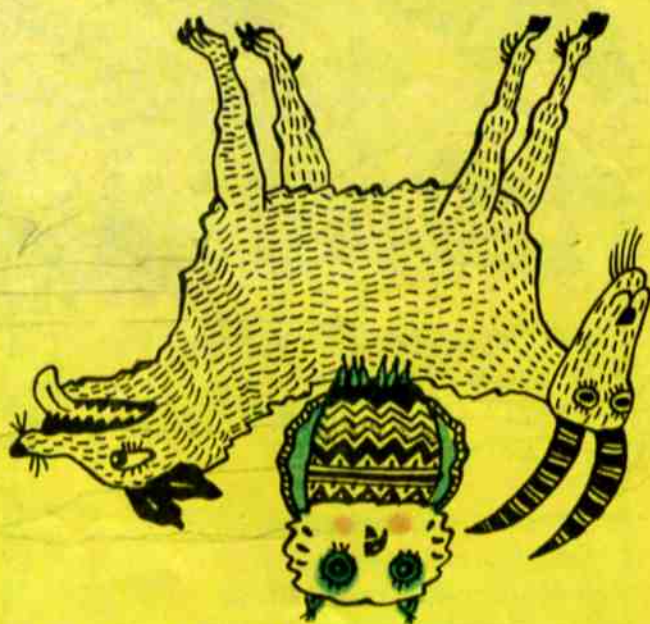
Тут болит и там болит,
Говорят — радикулит,
Сон пропал, и свет не мил...

Хоть бы Леший позвонил!

ЧЕРТОВЫ ПРОДЕЛКИ

Говорят, чем чёрт не шутит — из дубинки выпалит! Вот скакнул, копытцем цокнул, хвостом махнул — и пословицы перемешал-перепутал. Да как ловко-то! Пожалуй, и чёртова дюжина тут не разберётся.

А вы попробуйте, ребята, оставить чёрта в дураках! Сложите из этой путаницы десять известных пословиц. Победителей ожидают призы от нечистой силы. А на конверте не забудьте написать — «Чёртовы проделки».

И бывалый верблюд в каше утонет,
коли волк пособит.

Пусти козла в гостях в огород, коли дома скучно.

Пугана ворона плеч не оттянет, ногам покою не даёт.

Один комар не коромысло, да воду возят.

Хоть тресни синица, а куста боится — тот в море всю капусту съест.

Дурная голова — хорошо ремесло, лошадь свалит.

Велик, кто лужи не боится, а не быть журавлём.

А.С. Пушкин

Бесы

Мчатся тучи, выются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошёл, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле!» —
«Кто их знает! пень иль волк!»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;

Вон уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят!
Что так жалобно поют!

Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают!

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

Рис. Н. РОДИОНОВА

ЧЁРТ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

Жил богатый человек, и была ему во всех его делах большая удача. Стоило только подумать, пожелать чего, хватить — и исполнится. Сам не понимал Никанор, откуда ему такое идёт. И чем дальше, тем больше.

И чем дальше, тем больше чувствовал он, как с другого конца другим ветром приносило ему совсем другое — недоброе. Спервоначала-то, как пошло дело в ход, думал Никанор только о деле, о торговле своей, а когда стало много всего, накопил он бочку золота — целую бочку! — и дела уж сами собой пошли, мысли повернули совсем на другое: думаться стало ему — узнают люди о золоте, о его бочке и отымут. И не стало ему покою, спать ляжет, не спится, а заснёт, сны нехорошие.

Ровно бы что-то сделать ему надо, и тогда опять придёт покой и пойдёт жизнь прежняя, по-старому в делах и без всякого, но какое дело это сделать надо, Никанор в ум не возьмёт.

Большой был богач Никанор, громкий человек. И бочка золота под кроватью, и пьёт и ест до отвала, и почёт везде, а покоя нет — у последнего бродяги больше, и голи-пьянице кабацкой позавидуешь!

Раз лежит Никанор ночью, не спится, и слышит, будто кто-то постучал под окном. Встал, подошёл он к окну, окликнул — никто не отвечает.

Ну, не отвечает, так и не отвечает, и опять лёг. И только что глаза завёл, опять стук. Окликнул — нет никого. И вдруг стало страшно: это воры хотят грабить его! Снял он со стены ружьё,

зарядил пулей и притаился у окна.

И когда в третий раз застучало под окном, Никанор открыл окно и выстрелил. Выстрелил и похолодел весь: там, под окном, лохматая рука с птичьими когтями сжала ставень.

Никанор за нож, отрезать хотел руку чёртову, а нож выпал из рук — прямо из ночи глядели на него огромные оловянные глаза и щерилось изрытое тёмное лицо.

— Иди за мной! — сказал чёрт. Делать нечего, вышел Никанор.

Чёрт схватил его за левую руку, и они пошли прямо к реке.

Страх подкашивает ноги, а чёрт тянет за собой — и убежал бы, не убежишь, от чёрта не вырвешься.

Пришли к реке, чёрт и говорит:

— Ты, Никанор, бочку золота накопил, отдай её мне. Я тебе помогал!

Смотрит Никанор на чёрта, вот обомрёт.

— А не отдашь, я тебя в воду брошу. Слышишь?

— Слушаю, — Никанор на всё соглашался.

— Так, смотри ж, завтра приду, — и чёрт нырнул в воду.

Не помнит Никанор, как домой попал, не помнит, как прошёл день, ночью не ложился он спать, чёрта ждал. И в полночь застучало под окном. Взял Никанор бочку, вынес чёрту бочку, чёрт взвалил её на плечо, и они пошли.

Чёрт идёт, с чёртом Никанор идёт.

Страх подкашивает ноги, а чёрт тянет за собой — и убежал бы, не убежишь, от чёрта не вырвешься.

Дошли они до реки, спустился чёрт в реку, вытащил железные цепи, обмотал бочку, спустил её в воду, и сам скрылся под водою, и опять вынырнул, горсть золота подал Никанору.

— Это тебе за твою верность мне, да смотри не болтай! — и пропал.

А Никанор вернулся домой и запил с горя.

Большой был богач Никанор, громкий человек. А стал попивать, стало

дело расстраиваться. Не будь чёртовой горсти, что чёрт дал, промотал бы добро всё.

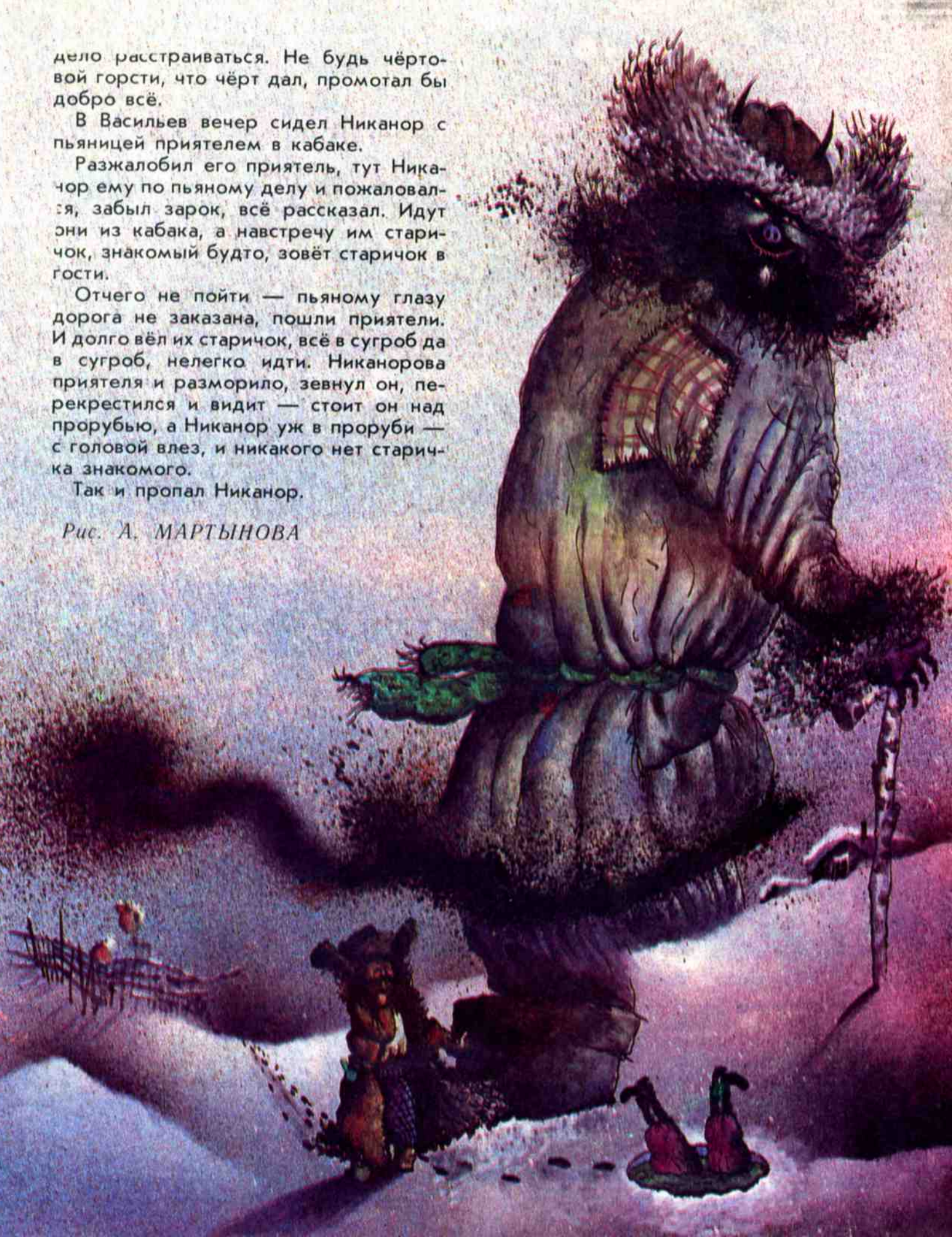
В Васильев вечер сидел Никанор с пьяницей приятелем в кабаке.

Разжалобил его приятель, тут Никанор ему по пьяному делу и пожаловался, забыл зарок, всё рассказал. Идут они из кабака, а навстречу им старичок, знакомый будто, зовёт старичок в гости.

Отчего не пойти — пьяному глазу дорога не заказана, пошли приятели. И долго вёл их старичок, всё в сугроб да в сугроб, нелегко идти. Никанорова приятеля и разморило, зевнул он, перекрестился и видит — стоит он над прорубью, а Никанор уж в проруби — с головой влез, и никакого нет старичка знакомого.

Так и пропал Никанор.

Рис. А. МАРТЫНОВА

а. Свеченов

ПРИБЛЮЧЕНИЯ

МУРЗИЛКИ

И ПТИЧКИ ЧИРИК

Суеверие — так частенько зовётся всё таинственное и непонятное вокруг нас. Пустое, ложное верование — вот что такое суеверие.

Всем известно: если чёрная кошка перебежит дорогу, пути не будет. Почему? Да вот такая примета! Кто верит в неё, а кто и смеётся над ней. Но живут эти приметы в народе с давних пор — необъяснимые, загадочные. Конечно, самое простое — отмахнуться от них, сказать: «Всё это ерунда! Выдумки и пустяки!»

Но ведь можно и задуматься. Вдруг мы просто разучились примечать да связывать то, что происходит вокруг, в нашей жизни?..

СУЕВЕРНЫЕ ПРИМЕТЫ

Вот старинные русские приметы. Такие ли уж они пустые?

Ложка, забытая на столе, — к гостю. Соль нечаянно просыпать — к ссоре. Когда сядешь за стол есть, не закрыв книгу, — заешь память.

При первой кукушке брякни деньгами — чтобы водились.

Кто спит с кошкой, у того лягушки в голове заводятся.

Гнездо ласточки разорять — грех.

Всякую посуду покрывать хоть лучиной — чтобы бес не вселился.

Сорока скачет на дому больного — к выздоровлению.

Ногами под лавкой качать — чёрта тешить.

Правый глаз чешется — радоваться, левый — плакать.

Ресница выпадет — к подарку.

КОЛЕСО

Наклейте страницу на плотную бумагу или картон
и аккуратно вырежьте колесо.
Точно в центре сделайте дырочку и вставьте
спержень так, чтобы колесо могло вращаться.

КОЛЕСО

Наклейте страницу на плотную бумагу или картон
и аккуратно вырежьте колесо.
Точно в центре проделайте дырочку и вставьте
спержень так, чтобы колесо могло вращаться.

ЖЕЛАНИЙ

Теперь, ребята, загадывайте самые заветные желания да садитесь теснее вокруг стола. Раскрутите колесо! Колесо-то это не простое, а волшебное. Магическое колесо желаний!

КН

ЖЕЛАНИЙ

Теперь, ребята, загадывайте самые заветные желания да садитесь теснее вокруг стола. Раскрутите колесо! Колесо-то это не простое, а волшебное. Магическое колесо желаний!

КН

Но крепко запомните — не более двенадцати раз за вечер!
«Бросали подушки через ворота. Пади, моя подушка не на улицу».

Раскручивать его можно по очереди.

Пока колесо крутится, приговаривайте волшебные слова:

КОЛЕСО

●

Глади, моя подушка, в санички — в возки-скачки
 Кому в этих саночках ехать?
 Отроку со отрочицею, добру молодцу
 со девицей.
 Кому мы поём, тому добро будет — тому сбудется
 не минуется.
 Свят вечері!»

ЖЕПАНІЙ

Глади, моя подушка, в санички — в возки-скачки
 Кому в этих саночках ехать?
 Отроку со отрочицею, добру молодцу
 со девицей.
 Кому мы поём, тому добро будет — тому сбудется
 не минуется.
 Свят вечері!»

ЖЕПАНІЙ

ЖЕЛАНІЙ

Каждому известно, что декабрь последний, двенадцатый месяц года. Но, оказывается, так заведено совсем-то недавно — всего 290 лет назад. А прежде декабрь бывал и десятым месяцем, и четвёртым. То начинался Новый год в марте, а то и в сентябре.

В старину как раз с 1 декабря начинали детей грамоте учить. В назначенное время приходил в дом учитель. Встречали его с почётом — ласковыми словами, поклонами. Усаживали в передний угол. И отец подводил сына — мол, научи уму-разуму, а за леность наказывай. Будущий ученик трижды кланялся в землю. А учитель эдак легонько, осторожно ударял его плёткой по спине.

Мать сажала сына за стол, вручала узорчатую костяную указку. Учитель раскрывал азбуку — начиналось обучение. А после трудов учителя непременно угощали и одаривали подарками. Провожали обязательно до самых ворот.

И на другой день ученик с азбукой и указкой отправлялся к учителю. «Солн-

це в гору пошло — учение в голову вошло», — говаривали родители.

Да, солнце в декабре «идёт в гору», поворачивает с зимы на лето. День 25 декабря так и величают — Спиридон-солнцеворот. Будто бы с этого дня солнце наряжается в праздничный сарафан, садится в телегу и едет в тёплые страны. Прибавляется светлое время, короче становятся ночи.

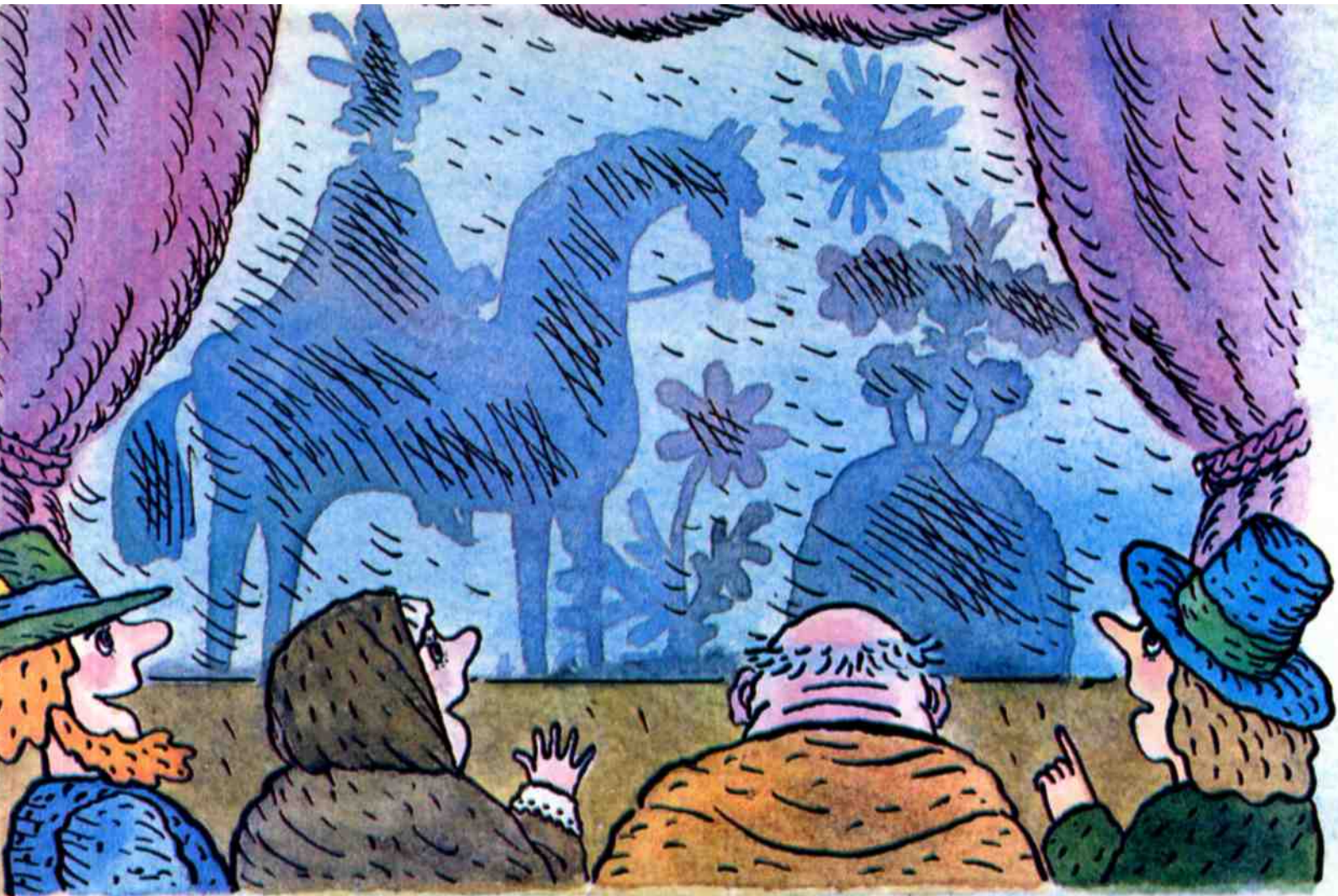
Издавна этот день, солнцеворот, почитался большим праздником. Люди верили, что сходят на землю души умерших предков — «святки».

Святки — так и называются народные зимние праздники.

Может быть, вы слышали, ребята, — святочные гуляния, святочные гадания, святочные рассказы?

Святки — праздник особенный! Волшебный. Чудесный. Не только день прибавляется — хоть на гусиную лапку, на куриный шажок, — но и душа человеческая становится светлее.

Рис. Т. НИКИТИНОЙ

На этом наша история могла бы и кончиться, но ещё не кончилась.

Однажды фройляйн Офелия попала со своим автомобилем в снежную бурю и не смогла ехать дальше.

Вдруг перед нею возникла Огромная

Тень. Она была намного темнее всех других теней.

— Ты тоже из тех,— спросила Офелия,— тоже из тех... кого никто не хочет?

— Это, пожалуй, верно сказано,— медленно проговорила Тень.

— И тоже просишься ко мне?

— А ты бы меня взяла? — усмехнулась Огромная Тень, подходя поближе.

— Теней у меня больше чем достаточно,— сказала старушка,— но ведь и тебя жалко.

— Может быть, ты сначала узнаешь моё имя?

— А как тебя зовут?

— Люди называют... Смерть.

Стало очень тихо. И ветер снежный стих.

— Всё равно хочешь взять меня? — мягко спросила наконец Тень.

— Да,— ответила маленькая старая фройляйн Офелия.— Иди ко мне.

И огромная холодная Тень накрыла Офелию, и свет померк.

Но потом у неё появились новые глаза — молодые и ясные. И уже не близорукие. И Офелия даже без очков могла увидеть, где находится.

Она стояла перед Воротами в Небо. А вокруг толпились чудесные фигуры в сияющих одеждах. Они улыбались ей.

— Кто же вы такие? — спросила Офелия.

— Неужели не узнаёшь? Мы — бывшие тени. Те самые, ничьи. Теперь мы спасены и больше не будем скитаться.

Ворота в Небо распахнулись — и бывшие тени вошли в них. Они вели с собой маленькую старую фройляйн Офелию.

Все вместе подошли они к прекрасному дворцу, и это был самый чудесный театр, который только можно себе представить.

Над входом было написано большими золотыми буквами:

ТЕАТР СВЕТА ОФЕЛИИ

С тех пор в этом театре разыгрывают они перед ангелами судьбы людские, и звучат в нём Великие Слова Поэтов. Слова эти понятны и ангелам. А рассказывают Поэты о том, как печально и смешно, убого и величественно быть человеком и жить на земле.

Фройляйн Офелия шёпотом подсказывает своим актёрам слова. Чтобы они не запинались.

Говорят, что иногда сам Господь Бог приходит их послушать. Но в точности этого никто не знает.

Пересказали с немецкого Наталия ДЕГТЯРЬ и Юрий КОВАЛЬ

ДЕД МОРОЗ
БУМАЖНЫЙ
С. ПШЕНИЧНЫХ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ВЕЧЕР
Татьяна
ШОРЫГИНА

Дед Мороз бумажный —
И седой, и важный,
С бородою и мешком,
С деревянным посошком...
Целый год на антресоли
Он лежал в пыли,
А теперь стоит на стуле
Он под ёлкой, в неволе.
Поджидает **НОВЫЙ ГОД.**
— Тихо! Слышите! Идёт!

Под ногами звёзд осколки,
Зимний воздух крут и густ.
Подмосковные просёлки
Издают морозный хруст.
Хорошо на лыжах быстрых
Вдоль заборов, вдоль дорог...
Лыжной палкой сыпать искры,
Трогать звёздный потолок.

СИЛЫ НЕБЕСНЫЕ

По древним поверьям, на небесах — свои силы небесные. Но, как и на Земле, у них там, на небесах, эти силы действуют по чинам.

Первый чин, высший, — это Серафимы. Они шестикрылые! Бог является Серафимам как пламенная Любовь. Само слово «серафим» означает горящий, пламенеющий. Серафимы двумя крыльями закрывают лицо, двумя крыльями ноги, а на двух летают, приговаривая: «Свят! Свят! Свят!» Если Серафимы вдруг спускаются на землю, то пробуждают в человеческих душах отблеск божественной любви.

Второй чин — Херувимы. Для них Бог — вечная Премудрость. Херувимы всеведущи — они созерцают тайны мироздания. Всеведение обозначается множеством глаз — очей. И Херувимов так и называют — многоочью.

Ближе всего к человеку восьмой и девятый чины сил небесных — архангелы и ангелы.

Архангелы направляют человека на верный путь. Ангелы ведут по этому пути. Архангелы и ангелы почти всегда невидимы. Но иногда являются человеку в ослепительно белых одеждах. Говорят, у каждого человека на земле есть свой ангел-хранитель, оберегающий на жизненном пути. Только надо помнить, что и у ангела есть предел терпению — может навсегда отвернуться от плохого человека! Ох, как тоскливо тогда будет такому жить!

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
И ЦС СПО (ФДО)
ИЗДАЕТСЯ
С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
Т. АНДРОСЕНКО
Редколлегия:
Я. АКИМ,
С. АЛЕКСЕЕВ,
Г. ВИЕРУ,
И. ЗАРАХОВИЧ
(зам. главного редактора),
С. ИВАНОВ,
Ю. КОВАЛЬ,
М. КОРШУНОВ,
В. ЛОСИН,
Г. МАКАВЕЕВА,
А. МИТЯЕВ,
К. ОРЛОВА
(ответственный секретарь),
Е. РАЧЕВ,
Н. СТРЕЛЬНИКОВА,
В. ЧИЖИКОВ

Редактор отдела
художественного
оформления
В. ПЛАНДИН

Художественный
редактор
Н. ХОДЕНДРО

Технический редактор
Г. БЕЛОВА

Орден, Трудового
Красного Знамени
ИЗДАТЕЛЬСКО-
ПОЛИГРАФИЧЕСКОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
103030, Москва, К-30,
ГСП-4, Сушешская, 21.

Сдано в набор 09.10.90.
Подписано в печать 25.10.90.
Формат 84×108/16.
Бумага офсетная № 2.
Печать офсетная.
Усл. кр.-отт. 13,44.
Усл. печ. л. 3,36.
Уч.-изд. л. 3,8.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод 2 500 000 экз.).
Заказ 2207.
Цена 15 коп.

Адрес редакции
журнала «Мурзилка»:
125015, Москва,
Новодмитровская ул.,
д. 5а.
Телефон 285-18-81.

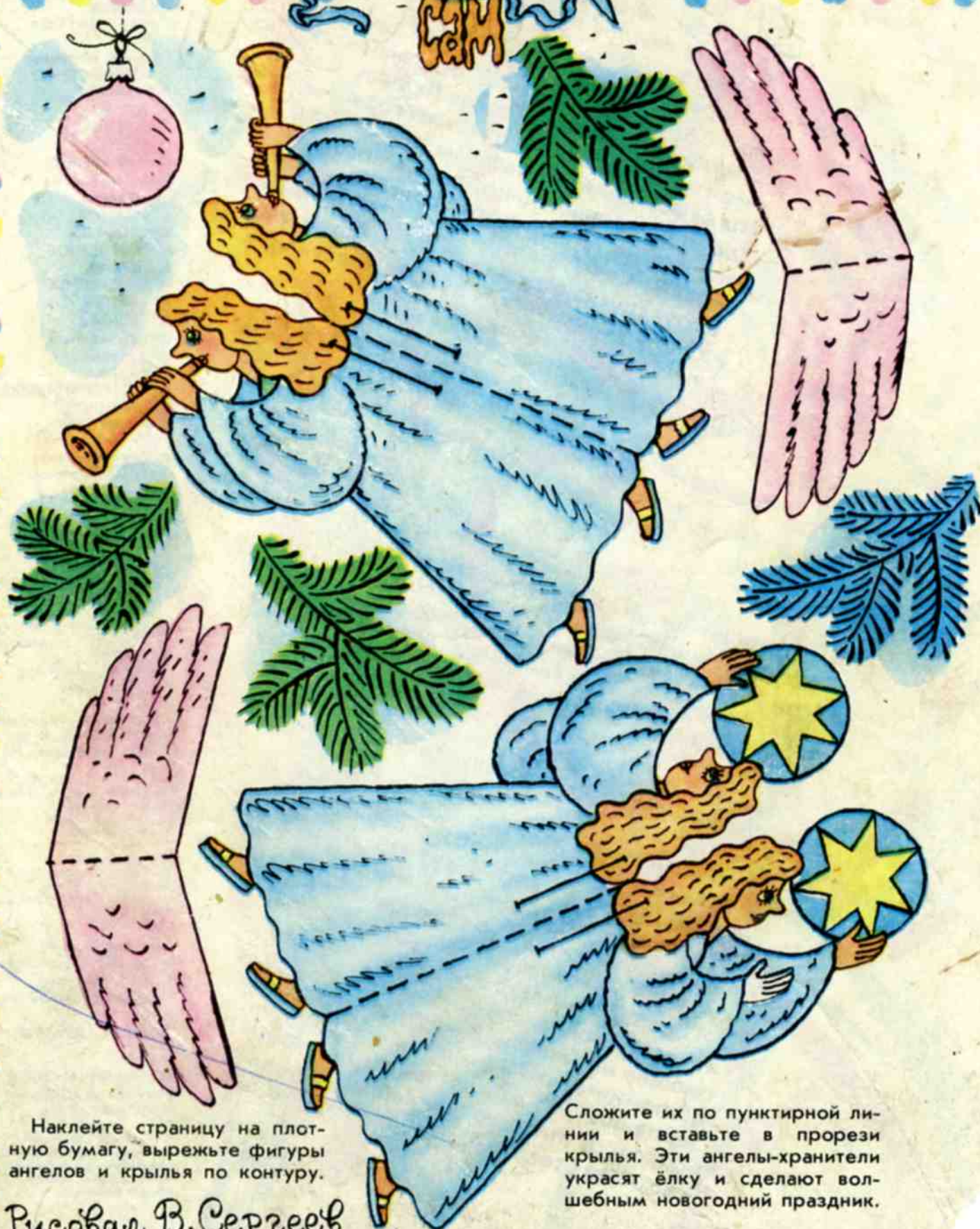
Макет
И. ВЕЛИКАНОВОЙ
Рисунок на обложке
Л. ТОКМАКОВА

К сведению взрослых —
присланные произведения
редакция не рецензирует и
не возвращает, а только со-
общает решение.

АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ

Индекс 70553

Цена 15 коп.

Наклейте страницу на плотную бумагу, вырежьте фигуры ангелов и крылья по контуру.

Рисовал В. Сергеев

Сложите их по пунктирной линии и вставьте в прорези крылья. Эти ангелы-хранители украсят ёлку и сделают волшебным новогодний праздник.